

Инклюзивная модернизация и противоречия ценностных изменений в странах Восточной Европы в 1990–2000-х годах¹

В начале 1990-х годов будущее постсоциалистических стран многие официальные теоретики рассматривали в категориях модернизации [Müller, 1992; Sztompka, 1993; Tiryakian, 1995]. Содержанием такой модернизации должны были стать изменения общественных институтов по образцу западного капиталистического общества и адаптация к его экономическим, политическим, правовым и финансовым нормам [Blokker, 2005]. Оптимистический проект модернизации Восточной Европы предполагал окончательную победу универсального либерально-рыночного типа модерна. Ради этого “посткоммунистические общества” должны были “вернуться” в Европу (то есть в современный западный мир) [Штомпка, 1996]. Но оказалось, что сделать это непросто, в частности и потому, что “по крайней мере с XVI века Восточная Европа была и остается экономически отсталой и маргинальной частью Европейского континента” [Janos, 1994: p. 3]. Теория модернизации не смогла предвидеть и объяснить появление гибридных форм капитализма в постсоциалистических обществах [Altvater, 1998]. Из-за глубокого экономического и общественного кризиса 1990-х годов сама идея модернизации была дискредитирована для постсоветских стран [Kapustin, 2003]. Вместо ожидаемого “возврата” к “нормальным” формам и практике модерна

¹ Сокращенный вариант этой статьи под названием “Антиномии общества позднего модерна: Восточная Европа в опасности демодернизации (Antinomies of late modernity: Eastern Europe in peril of demodernization)” был опубликован в журнале “Ideology and Politics Journal: Post-Soviet Transit and Demodernization” (2018, Issue 1 (9), pp.14–63).

[Sztompka, 1993] некоторые страны постсоциалистического блока пережили “беспрецедентную демодернизацию” индустриального общества XX века, откатившись (по крайней мере по некоторым аспектам) в “домодерное” состояние [Cohen, 2001].

Вместе с тем, если сравнить пути развития бывших социалистических обществ Восточной Европы, можно заметить очевидные различия. Уже в 1990-х годах произошло размежевание восточноевропейского региона и траекторий развития. Если Беларусь, Молдова и Украина были втянуты в постсоветский круг интересов и влияния России, страны бывшего социалистического блока и государства Балтии присоединились к общеевропейскому проекту. В результате страны, вовлеченные в процесс европейской интеграции, быстрее восстановились после упадка 1990-х годов и значительно улучшили докризисный показатель Индекса человеческого развития 1990 года [Saveliev, 2011].

На фоне оформления авторитарных режимов в Беларуси и России и политической нестабильности в Молдове и Украине казалось, что европейская интеграция является эффективной стратегией для модернизации и развития постсоциалистических обществ Центральной и Восточной Европы. Однако усиление влияния популистских сил, приход к власти правых националистических партий, ограничения функционирования демократических институтов и критическое отношение к общеевропейскому либеральному проекту в восточноевропейских странах в 2010-х годах — все это свидетельствует о противоречивости процесса модернизации даже в странах-членах ЕС. Возникает ряд вопросов. Релевантен ли концепт модернизации для региона вообще? Осталась ли демодернизация постсоветских стран в прошлом в 1990-х годах? Наконец, можем ли мы рассматривать модернизацию без учета угрозы демодернизации?

В первой части данной статьи я обобщаю современные теоретические интерпретации модернизации и демонстрирую, что модернизация является перманентным, релятивным, нелинейным и антиномичным процессом, который необходимо рассматривать исключительно в контексте демодернизации. Во второй части статьи на основе модели модернизации Р.Инглхарта и К.Вельцеля [Welzel et al., 2003; Inglehart, Welzel, 2005; Inglehart, Welzel, 2010] и анализа агрегированных данных Европейского исследования ценностей (EVS) и Всемирного исследования ценностей (WVS) я показываю, что в период 1990–2000-х годов в восточноевропейских постсоциалистических странах одновременно происходили разнонаправленные процессы ценностных изменений. Эти противоположные изменения, свидетельствующие о тенденциях модернизации и демодернизации, имели место как в более успешных странах, вовлеченных в процесс европейской интеграции, так и в постсоветских Беларуси, Украине и России.

Если постепенный рост материального благополучия и чувство экзистенциальной безопасности в целом способствуют распространению эмансипационных ценностей, что является предпосылкой модернизации политических институтов, то экономическая бедность, неэффективная социальная политика и потеря уверенности среди разных слоев населения служит почвой для усиления антимодерных ценностных ориентаций. Таким образом, общий вывод исследования заключается в том, что процесс модернизации может быть неразрывно связан с демодернизацией. Именно такой взгляд по-

зволит лучше понять противоречивость развития региона Восточной Европы.

Социологическая рефлексия антиномий модернизации в современном обществе

Самое распространенное понимание модернизации существует в двух вариантах: в “широком” понимании — как комплекс цивилизационных “массштабных социальных, экономических, политических и культурных изменений”, которыми характеризовался переход к особому типу общества Нового времени [Martinelli, 2005: p. 8]. “Узкое” значение модернизации — это комплекс “процессов, при помощи которых слаборазвитые общества или развивающиеся общества, то есть разнообразие периферии мира, пытаются сократить или преодолеть разрыв, отделяющий их от развитых стран ... в экономическом росте, конкурентоспособности на глобальном рынке и качестве жизни населения” [Martinelli, 2005: p. 25]. В современном глобальном мире модернизация также рассматривается как “форма международной конкуренции”, а не только как “цивилизационные изменения” [Zhang, He, 2015].

Исторически модернизация имеет три временных измерения: как первичное развитие небольшого количества наиболее развитых обществ, начавшееся индустриальной революцией и другими кардинальными изменениями в обществах североатлантического региона; как разнообразный процесс, когда “менее развитые общества догоняют” мировых лидеров во взаимодействии с ними; наконец, как постоянные попытки модернизированных обществ “ответить новым вызовам на пути инноваций и реформ” [Цапф, 1998: с. 14].

То есть ход и результаты модернизации позволяют оценить развитие разных обществ в сравнительном аспекте как ретроспективно, так и для объяснения и прогнозирования соотношения сил в глобальной мир-системе будущего. Формально модернизация ориентирована на достижение новейшего самого современного состояния (“*up-to-date*”), которое только возможно в это время и в этом месте [Harrison, 1988: p. 152]. Это дает возможность ранжировать общества, располагать их согласно определенной шкале [Giddens, 1984: p. 232].

В то же время модернизация указывает на определенный ценностный ориентир. Проведенный в предыдущих публикациях анализ показал, что социальная включенность (инклюзивность) является сущностной характеристикой модерна, отражающей основу его социальной организации [Савельев, 2015; Савельев, 2017]. Идеология и практика общества модерна основывались на принципах равенства возможностей, расширения индивидуальной свободы, универсальной рациональности и эффективности. Среди инновационных изменений в социальных институтах и когнитивных структурах (в частности, восприятии времени и прогресса общества) важной особенностью модерна было замещение аскриптивных статусов, мотивов, практик социокультурными системами, ориентированными на достижения и мобильность [Lerner, 1968; Deutsch, 1961; Inkeles, 1974].

Именно начиная с Нового времени формировалось общество с новой социальной структурой, акцентированной социальной мобильностью и ускоренным развитием, общество, в котором корпоративная изолированность социальных групп была кардинально уменьшена, а то и разрушена. Возникла

высокоэффективная система производства знания — современная наука, ставшая неотъемлемой частью и производительной силой индустриального общества. Эмансипационный “проект” модерна неразрывно связан с рационализмом, “расколдовыванием”, убеждением в принципиальной возможности познания объективного мира, верой в силу науки, неудержимым желанием человека “инструментально овладеть миром” [Habermas, 2003: p. 10].

Расколдовывание мира сделало окружающую среду, человеческую деятельность и социальные взаимодействия прозрачными. Практики общества модерна, опирающиеся на принципы универсальной рациональности, эффективности, расчета и предсказуемости, получили завершенное воплощение в таких известных формах организации и процессах, которые Дж.Ритцер заклеил термином макдональдизация [Ritzer, 2000]. Речь идет об обществе, где начали терять актуальность традиционные аскриптивные признаки, по которым социальные группы различаются между собой. Самым важным было уменьшение барьеров между конфессиями, сначала — внутри христианства, а со временем — и за его пределами [Parsons, 1971]. Это позволило интегрировать определенные группы, прежде всего в экономической сфере.

Однако развитие общества модерна отрицало его фундаментальные основы. Его идеалы оказались далекими от реальности [Хабермас, 2003]. Эмансипация привела к неожиданным угрозам для достижения свободы человеком [Bauman, 2000]. На фоне эмансипационных процессов в Европе была построена эффективная и изощренная система контроля, дисциплины и эксклюзии [Foucault, 1965; Foucault, 1978; Wagner, 1994]. Философия постмодерна отбросила новоевропейский идеал объективного универсального знания, положив конец господству метанарративов и постулировав множественность интерпретаций. В итоге образовался эпистемологически-культурный плюрализм и усилилось влияние так называемых локальных систем знания.

Эмансипационную и рациональную суть модерна и модернизации, которая подпитывала просветительский идеал, нельзя понять отдельно от укоренившихся в ней антиномий и “линий напряженности”, среди которых расхождение тотальности и плюралистического видения ценностей, дилеммы “освобождения”, “будущности” и “враждебности” безличностных общественных институтов, антиномии “рефлексии и действия”, автономности индивида и общественных ограничений, “измерений человеческого существования”, напряженности между правами индивидов и коллективным интересом, защита “прав от существующих центров власти” [Бергер, 1990; Eisenstadt, 2010; Touraine, 2009].

Усложнение социальных систем и когнитивных моделей привело, по словам Ю.Хабермаса, к “новой непрозрачности” [Хабермас, 2003]. На фоне глобализации во второй половине XX века произошли подъем мультикультурализма и ревитализация домодерных традиционных форм, в частности религиозных. В современном мире все больше акцентируется то, что различает, разделяет, делает более выразительными уникальность и отличие от других. Религия, конфессиональная и этническая принадлежность, языковые и культурные особенности используются для укрепления идентификации, а также как политический инструмент. В результате “глобализация одновременно является фактором и проявлением как культурной гомогенности, так и культурной гетерогенности” [Robertson, 1992: p. 173]. Парадоксальным

образом рациональные системы приводят к дегуманизации, утрачивая смысл, и “неизбежно генерируют иррациональности, которые ограничивают их рациональные основания, а в конечном счете угрожают им и, возможно, подрывают их” [Ritzer, 2000: p. 16, 123].

Таким образом, модернизация является *антиномичным и нелинейным* процессом. Социальные и культурные формы модерна предлагают эмансипационный ориентир, но тяготеют к самоотрицанию [Foucault, 1965; Wagner, 1994; Bauman, 2000; Хабермас, 2003; Touraine, 2009].

Поэтому, вопреки представлениям классической теории модернизации, этот процесс не является кумулятивным, а жизненные шансы и способность выбора человека, увеличивающиеся в результате модернизации, находятся под постоянной угрозой и давлением ограничений. Достижения технического и научного прогресса более устойчивы, но псевдоморфоз, тоталитаризм и демодернизация оказываются неотъемлемыми составляющими общества модерна [Savelyev, 2013]. Скорее можно говорить о постоянной балансировке модерна и антимодерна (в том числе архаики) в жизни современных обществ: фундаментализм, этноцентризм, ксенофобия, нетерпимость существуют даже в наиболее развитых странах.

Впрочем, это не опровергает того факта, что суть модернизации является прежде всего эмансипационной. Именно в эпоху модерна формулируется специфическая идея свободы и прав человека, создаются и становятся доступными ресурсы для их обеспечения. Модернизация может обеспечить как свободу от “барьеров и ограничений”, так и “расширение поля деятельности” социальных агентов [Штомпка, 1996: с. 52]. Через “расширение свободы” повышается способность людей в осуществлении ими выбора и, соответственно, становится возможным улучшение качества жизни [Sen, 1999].

Однако это не означает сугубо одностороннего доступа социальных агентов к ресурсам и получения ими все новых и новых возможностей. Эмансипационная сущность модернизации отнюдь не сводится к постоянному и бесконечному увеличению потребления и повышению стандартов жизни (хотя они являются ее важными признаками). Тем более ее нельзя отождествлять с формированием потребительского отношения к миру и обществу. Настоящая модернизация, направленная на наделение человека большей степенью свободы, то есть усиление роли человеческого выбора (как индивидуального, так и коллективного), сопровождается — на фоне повышения качества жизни — одновременным увеличением для современного человека “бремени” выбора и ответственности за него [Бергер, 1990].

Таким образом, если сосредоточиться на социокультурной сути модернизации, можно прийти к выводу, что антиномии модерна и существующие дисфункции современного общества в той или иной мере связаны с указанным процессом эмансипации, соответствующей трансформацией домодерного мировосприятия и взаимодействием с ним современных форм.

Ключевая “напряженность” проекта модерна заключается в *диалектике эмансипации*, предполагающей осознание ответственности своей свободы в контексте прав и свобод другого. Ведь эмансипация имеет цену, и, как правило, наряду с приобретаемыми сторонами есть проигравшие. Модерная автономность индивидов и возможности для самореализации сопровождаются принуждением и эксклюзией, а коллективные права угрожают индивидуальной свободе и возможности выбора [Wagner, 1994; Bauman, 2000].

Указанное противоречие является решающим для понимания сути общества модерна и диалектики его развития. Поэтому ключевыми аспектами выступают *способы решения этого противоречия; его институциональное обеспечение, гарантирующее соблюдение определенной процедуры; ценностный контекст, определяющий отношения и мотивации социальных агентов, их позиции, ресурсы и компетенции.*

Итак, модернизация любого общества является *напряженным* и *противоречивым* процессом. Было бы ошибкой рассматривать ее сугубо рационалистически как своеобразный “бизнес-план” политических и экономических элит. Модернизация не только обеспечивает экономический рост и повышение качества жизни, но и неотвратимо продуцирует вызовы своей антиномичностью и конфронтацией с антимодерными институциональными практиками и пластами культуры. Поэтому важно выяснить место последних в современном обществе и их последствия, а также оценить баланс современных и архаичных элементов общественного сознания. Это поможет выявлению социокультурных рисков процесса модернизации, а в перспективе — установлению связи ее социокультурных измерений с экономическим развитием.

Следует отметить, что антиномии и “линии напряженности” модернизации не могут быть окончательно устранены. Вызовы и противоречия эмансипационного проекта модерна требуют обновленных и актуальных ответов. Поэтому модернизацию “нельзя остановить” — она является “непрерывной” и “никогда не заканчивается” [Bauman, 2000: p. 28]. Социальные институты и культура современного общества имеют специфическую временную ориентацию достижения “открытого будущего” [Therborn, 2003].

Соответственно, переход к “типу общества Нового времени”, равно как и преодоление отставания менее развитых обществ от более развитых [Martinelli, 2005] на самом деле не являются одноразовыми событиями. Модернизация не приводит и не может привести к некоторому завершеному состоянию. Это открытый и *перманентный* процесс. Таким образом, модернизация актуальна не только для развивающихся стран, но и для развитых, являющихся мировыми лидерами и пытающимися “опередить друг друга”, достичь и удержать высокий уровень развития [Zhang, He, 2015]. Модернизация как постоянная направленность на бесконечное обновление — это способ существования общества модерна [Bauman, 2000: 28].

Кроме того, что процесс модернизации нелинейный, антиномичный и перманентный, он также является релятивным.

Во-первых, модернизация происходит по отношению к определенным ориентирам во взаимосвязанном и структурированном мире, где существуют страны ядра, полупериферии и периферии и ведется асимметричная конкуренция [Wallerstein, 2000]. Поэтому модернизация часто сопровождается несправедливым перераспределением ресурсов, доминированием, созданием систем гегемонии и, иногда, военной агрессией. Ускорение модернизации в исторической перспективе происходило за счет использования преимуществ и привлечения внешних ресурсов (которые, соответственно, становились потерями для другой стороны), что углубляло различия обществ, находившихся на разных этапах модернизации.

Во-вторых, структуры и практики модерна всегда воспроизводятся в противостоянии с “немодерными” или “домодерными” (традиционными и архаичными) практиками. Последние никуда не исчезают на пути “социального

прогресса” [Eisenstadt, 2010]. Если в классической модернизационной теории модерн жестко противопоставлялся традиции, то позже исследования доказали, что общество модерна более сложное и противоречивое и что традиция является его неотъемлемой составляющей [Bendix, 1977]. Собственно содержание разнообразных процессов модернизации имеет смысл лишь относительно других противоположных, “немодерных” структур и обществ (или домодерных, или теряющих характеристики модерности).

Первичная модернизация происходила локализованно в североатлантическом регионе путем образования национальных экономик и политических наций Вестфальской системы, но в постоянном взаимодействии более развитых обществ с менее развитыми. Со временем модернизация приобрела глобальные масштабы из-за постоянной конкуренции, в которой общества, дальше продвинувшиеся по пути модернизации, получали большие преимущества, воплощавшиеся в экономическое, политическое и культурное доминирование.

Релятивность модернизации крайне важна для ее понимания. Речь идет не только о неадекватности дискретного противопоставления “модерный — немодерный” вместо применения континуальной шкалы “относительно модернизированные — относительно немодернизированные общества” [Levy, 1996: p. 742]; а о том, что сама модернизация *может происходить только на фоне и во взаимодействии* с прежними структурами, практиками, институтами, когда в процессе такого взаимодействия образуются разнообразные конфигурации. Точно так же, если за единицу анализа принять общество, то более модернизированные общества противостоят тем, где процессы модернизации еще не начались или происходят медленно и усложняются местными условиями. На международном уровне модернизация всегда происходит во взаимодействии государств и других мощных акторов.

В последние десятилетия глобализация, значительно ускорившая модернизацию и охватившая (часто императивно) периферийные общества и инертные и консервативные слои населения, в то же время спровоцировала жесткий антимодернизационный ответ. Ныне во многих странах мира особенно заостряется вызов со стороны антимодерна и происходит в различных формах возрождение архаичных практик — от “исламского государства” до подъема правонационалистических политических движений и защитников “традиционных ценностей”. В Украине эти процессы также проходят болезненно и трагически, воплощаясь в гражданском противостоянии, вооруженном конфликте и военной агрессии, что угрожает самому существованию ее государственности и независимости. Самопровозглашенные “народные республики” — это не просто сепаратистские анклавы, а и химерные ответы со стороны антимодерна [Медведев, 2014].

Если ключевыми социокультурными характеристиками общества позднего модерна являются эмансипационные, постматериалистические ценности, наличие рациональной коммуникации, кооперативное поведение, толерантность и готовность к включению других, то архаика сегодня предстает через иррациональные мифы и стереотипы, закрытость для рациональной аргументации, деление общества, противопоставление “своих и чужих”, нетолерантность и неприятие другого.

В этом контексте интенсификации противоречий модерна в глобальном мире проблематика инклюзивного измерения модернизации приобретает

особое значение. Еще классическая теория модернизации, родственная подходу Т. Парсонса, привлекла внимание к мобилизационным процессам современного общества [Lerner, 1968; Deutsch, 1961; Inkeles, 1974]. Ведь общество модерна создало кардинально больше принципиально новых достижимых возможностей, статусов и, соответственно, состояний социальной включенности. Рост социальной мобильности [Lipset, Bendix, 1959], “вовлечение в общественную жизнь” [Штомпка, 1996: с. 53], “мобилизация нужд и притязаний” людей [Dahrendorf, 1992: p. 16] являются сущностными характеристиками модерна. Эти характеристики отражаются, во-первых, в институциональном аспекте социальной включенности [Acemoglu, 2012]; во-вторых, в аспекте агентности как участия людей в основных институтах общества, благодаря которой обеспечивается жизнеспособность последних [Lerner, 1968: p. 393]. Поэтому общество модерна — это “общество участия” [Lerner, 1968: p. 393], общество граждан, формирующих национальное государство [Bendix, 1977: p. 89–90].

Долгое время процессы социального включения происходили посредством обретения гражданства и распространения прав [Parsons, 1971]. Но одновременно с включением дискриминированных групп возникали новые угрозы и механизмы эксклюзии. Обычные атрибуты позднего модерна — экономический рост, прогресс науки и техники, гражданские права и разветвленная система социального обеспечения — не гарантируют необратимости модернизационных изменений. Даже в развитых обществах наблюдается углубление разрыва между отдельными центрами, где сосредоточены индустрии высоких технологий, и периферийными регионами [Häyriinen-Alestalo, 2001], увеличивается неравенство в распределении доходов [Piketty, 2014]. Это сопровождается снижением толерантности и готовности к включению других, усилением правопопулистских политических сил, уменьшением доверия к демократическим институтам, нарушением рациональной общественной коммуникации, в частности через распространение “фейковых новостей”, “альтернативных фактов” и конспирологических теорий.

Если в эпоху раннего модерна первоочередной задачей для разных социальных групп было *завоевание прав* [Parsons, 1971], то на современном этапе актуализируются *мотивы и умения людей использовать свои права*, а инклюзивность является результатом участия именно активных, ответственных и компетентных социальных агентов, являющихся носителями эмансипационных ценностей и движущей силой процесса модернизации.

Таким образом, существующие теоретические подходы определяют модернизацию как нелинейный, антиномичный, перманентный и релятивный процесс, в котором на разных уровнях происходит постоянное противостояние с антимодерными практиками. Усиление последних при определенных условиях может приводить к демодернизации.

Постсоциалистические страны Восточной Европы оказались особенно уязвимыми перед угрозой демодернизации из-за наследия форсированной коммунистической модернизации и негативного влияния глобальной конкуренции. В следующей части статьи я намерен показать, что постсоветские страны и некоторые из вовлеченных в европейский интеграционный проект в 1990–2000-х годах имели схожие паттерны сочетания элементов модернизации и демодернизации.

Противоречия формирования эмансипационных ценностей в странах Восточной Европы

Для понимания фундаментальных основ процессов модернизации в восточноевропейских странах необходимо выявить характер и тенденции изменений ценностных ориентаций населения. Современные исследования демонстрируют, что характеристики социальных институтов определяют успешность страны в аспектах экономического роста и политической эффективности [North et al., 2009; Acemoglu, Robinson, 2012]. В то же время сравнительные исследования Р.Инглхарта, К.Вельцеля, Г.-Д.Клингемена и других доказывают, что именно изменения ценностных ориентаций (социокультурная составляющая модернизации) предшествуют институциональным изменениям [Welzel et al., 2003; Inglehart, Welzel, 2005; Inglehart, Welzel, 2010; Welzel et al., 2012]. В итоге была разработана теоретическая модель модернизации, в которой объединены экономический, институциональный и ценностно-культурный уровни и продемонстрирована роль распространения эмансипационных (постматериалистических) ценностей в процессе модернизации [Welzel et al., 2003]. Модель предполагает увеличение возможностей выбора человека на основе: 1) индивидуальных ресурсов, которые обеспечивают выбор человека; 2) ценностей, которые определяют и мотивируют выбор человека; 3) политических и правовых институтов, которые гарантируют этот выбор [Welzel et al., 2003: p. 346].

В модели внимание сосредоточено, во-первых, на изменении ценностей, в частности распространении эмансипационных ценностей в результате увеличения экономических (материальных) ресурсов индивидов; во-вторых, на влиянии эмансипационных ценностей на формирование эффективных демократических институтов [Inglehart, Welzel, 2010]. Эффективные институты, в свою очередь, способствуют экономическому росту. Такая многоуровневая модель является более сложным концептуальным продолжением популярной в 1960-х годах модели модернизации, согласно которой экономическое развитие, в частности рост уровня дохода на душу населения, способствует развитию демократических институтов [Lipset, Bendix, 1959]. Вариантом многоуровневой модели выступает также теория влияния экономического роста и участия индивидов в процессах экономической модернизации на изменения на уровне личности: ценностей, отношения и поведения [Inkeles, Smith, 1974].

Хотя экономический рост происходит в разных странах неравномерно, сам по себе он является общим процессом, приводящим к подобным результатам — увеличению доходов и повышению уровня жизни населения. Поэтому Р.Инглхарт, К.Вельцель и их коллеги утверждают, что модернизация доказала свою универсальность: экономическое развитие и связанное с ним чувство безопасности обуславливают изменения в ценностях, которые, в свою очередь, определяют подъем демократических институтов [Welzel et al., 2003; Inglehart, Welzel, 2005; Inglehart, Welzel, 2010; Welzel et al., 2012].

Эмпирические данные опросов Всемирного исследования ценностей (WVS) в 52 странах показывают, что увеличение экзистенциальной безопасности социальных агентов (на экономической почве) обуславливает изменения в их ценностных ориентациях: от традиционных к секулярно-рационалистическим и от ценностей выживания к ценностям самовыраже-

ния. Такой ценностный сдвиг коррелирует с изменением уровня демократии: с середины 1980-х до середины 1990-х этот фактор объясняет более половины вариации переменной уровня демократии ($R^2 = 0,517$) [Inglehart, Welzel, 2010: p. 561–562].

Эмансипационные ценностные ориентации в контексте фундаментальных свойств общества модерна, рассмотренные выше, обеспечивают как свободу и условия для творчества социальных агентов, так и толерантное отношение и готовность к включению других.

В соответствии с разработанной методологией индикатором для изменения эмансипационных ценностей служат постматериалистические приоритеты индивидов над материалистическими при выборе альтернатив ответов на четыре вопроса [Inglehart, Welzel, 2005]. Каждому выбору респондента приписывается числовое значение, и в результате рассчитывается индекс по трехбалльной шкале от 1 до 3, где 1 — это материалистические ценностные ориентации, а 3 — постматериалистические ориентации. Хотя разные авторы используют различную терминологию, говоря о “либеральных”, “постматериалистических”, “антропоцентрических” ценностях или “ценностях самовыражения”, тем не менее все эти теории описывают единый процесс замены “традиционных конформных ценностей, подчиняющих человеческую автономию дисциплине сообщества, ... ценностями, высвобождающими и делающими акцент на выборе человека ... процессе как эмансипационном изменении ценностей” [Welzel et al., 2003: p. 342].

Для объяснения механизма распространения эмансипационных ценностей в обществе Р.Инглхарт также выдвинул “гипотезу социализации” (*socialization hypothesis*) [Inglehart, 1990]. Согласно этой гипотезе ценности взрослого человека отражают социальные и материальные условия процесса его социализации. Поэтому собственный опыт молодости, “формирующих лет” и ощущение экономической и физической (экзистенциальной) безопасности определяют главные ценностные приоритеты на долгие годы взрослой жизни. Отсюда усиление ощущения экзистенциальной безопасности во второй половине XX века привело к “межпоколенческому ценностному сдвигу” во многих развитых странах [Inglehart, 1990].

Дескриптивный анализ эмансипационных ценностей по данным Европейского исследования ценностей (EVS) 2008–2010 годов (4-я волна) демонстрирует, что на национальном уровне они менее распространены в восточноевропейских странах, чем в западноевропейских (см. табл. 1).

Согласно модели модернизации, вполне ожидаемо, что более богатые общества имеют большее количество постматериалистов, ориентированных на эмансипационные ценности. Однако из этой тенденции есть исключения. В России ВВП на душу населения равен или превышает уровень многих стран Восточной Европы, но она значительно уступает им по индексу эмансипационных ценностей. В Ирландии показатель ВВП на душу населения выше, чем в большинстве стран, однако по показателю распространения эмансипационных ценностей она близка к среднеевропейскому значению и в этом измерении подобна Словакии.

Те постсоветские страны, которые не вовлечены в европейский интеграционный проект, имеют самый низкий уровень распространения эмансипационных ценностей. Близки к ним по этому показателю Болгария, Румыния, Босния и Португалия.

Таблица 1

Эмансипационные ценности в 35 европейских странах, 2008–2010

Страна	Среднее значение	Стандартное отклонение
Россия	1,43	0,52
Молдова	1,53	0,59
Украина	1,54	0,54
Болгария	1,60	0,53
Португалия	1,60	0,55
Босния и Герцеговина	1,60	0,56
Беларусь	1,63	0,60
Румыния	1,65	0,55
Польша	1,71	0,59
Албания	1,72	0,59
Турция	1,72	0,56
Словакия	1,72	0,59
Ирландия	1,72	0,60
Эстония	1,75	0,55
Венгрия	1,75	0,59
Литва	1,76	0,52
Латвия	1,76	0,57
Испания	1,78	0,60
Чешская Республика	1,80	0,61
Хорватия	1,81	0,56
Австрия	1,86	0,62
Франция	1,87	0,64
Греция	1,88	0,65
Швейцария	1,90	0,65
Словения	1,92	0,59
Исландия	1,99	0,60
Финляндия	1,99	0,68
Германия	2,00	0,62
Италия	2,01	0,64
Бельгия	2,01	0,64
Норвегия	2,06	0,50
Нидерланды	2,08	0,61
Дания	2,08	0,50
Великобритания	2,08	0,63
Швеция	2,13	0,53

Источник: EVS (2011). European Values Study 1981-2008, Longitudinal Data File.

Средние значения шкалы от 1 — материалистические ориентации, до 3 — постматериалистические ориентации.

Самое высокое значение среди всех постсоциалистических стран имеет Словения, принадлежащая к группе развитых стран вместе со Швейцарией, Грецией, Францией и Австрией. Лидерами на континенте считаются скандинавские страны, Великобритания и Нидерланды.

Во всех восточноевропейских странах, кроме Словении и Чешской Республики, количество людей, разделяющих модернизационные постматериалистические ориентации, незначительно. Меньше всего их в Украине (2,0%) и России (1,0%), а также в Болгарии (2,1%), являющейся беднейшей страной ЕС. Соответственно, больше всего людей с материалистическими приоритетами, не способствующими модернизации, в России (почти 60%), Молдове (более 50%) и Украине (около 48%), и доля их гораздо выше уровня других стран Восточной Европы, являющихся членами ЕС, за исключением Болгарии.

Динамика ценностных изменений с середины 1990-х до конца 2000-х годов в восточноевропейских обществах по данным 3-й волны Всемирного исследования ценностей (WVS) и 4-й волны Европейского исследования ценностей (EVS) свидетельствует, что доля разделяющих постматериалистические приоритеты в восточноевропейских странах, охваченных анализом, кроме Болгарии и Латвии, значительно не изменилась (см. табл. 2).

Таблица 2

Динамика эмансипационных ценностей в восточноевропейских странах (2008 год по сравнению с 1995–1997 годами), %

Страна	Изменение доли материалистов, %	Изменение доли постматериалистов, %
Беларусь	-4,8	1,3
Болгария	-10,4	-2,1
Чешская Республика	-0,8	1,2
Эстония	-9,3	0,6
Латвия	-5,5	2,4
Литва	-16,2	0,6
Молдова	-5,1	1,9
Польша	-4,0	1,6
Румыния	-8,0	-0,6
Российская Федерация	2,9	-0,6
Словакия	-10,5	0,8
Словения	1,7	0,1
Украина	-6,0	-0,6

Источник: EVS (2011). European Values Study 1981-2008, Longitudinal Data File; WVS (2009). World Value Survey 1981-2008 official aggregate.

Значимые изменения выделены жирным шрифтом.

А вот доля индивидов с сугубо материалистическими ориентациями за это время существенно снизилась во всех странах региона, кроме Словении и Чешской Республики. Хотя именно последние две страны считаются ли-

дерами в Восточной Европе по распространенности эмансипационных ценностей. Но в них база для модернизации не увеличилась.

Только в России за этот период произошло значимое умеренное увеличение группы материалистов (2,9%). Причем с 2000 по 2008 год благодаря благоприятной мировой конъюнктуре в этой стране происходил важный экономический подъем и повышалось благосостояние широких слоев населения. В противовес этому в других постсоветских странах количество материалистов существенно сократилась, в частности, в Украине — на 6,0%, Молдове — на 5,1%, Эстонии — на 9,3%, Латвии — на 5,5%, а в Литве — на 16,2%. Таким образом, в охваченных анализом постсоциалистических странах, кроме России, нельзя установить ценностный тренд демодернизации в период с середины 1990-х до конца 2000-х годов. В целом для региона характерны частичные ценностные изменения, заключавшиеся в уменьшении распространения материалистических приоритетов на фоне постоянного уровня постматериалистических. То есть в большинстве постсоциалистических стран складывались ценностные предпосылки для модернизации, хотя это происходило крайне медленно и тенденция была довольно слабой.

В то же время все постсоциалистические страны, хоть и в разной степени, переживали глубокий социально-экономический кризис 1990-х годов. Те страны Центральной и Восточной Европы, которые стали членами ЕС в 2004-м (EU8), не только преодолели последствия трансформационного кризиса к середине 2000-х годов, но и сократили свое отставание от более развитых стран по показателю Индекса человеческого развития [Human Development Report, 2007].

Хотя значение этого индекса увеличилось в течение соответствующего периода в наиболее развитых странах (в частности в США — на 3,5%, что служит основанием для сравнения), в большинстве постсоциалистических стран, несмотря на резкое падение в первой половине 1990-х годов, в целом за это время индекс превысил данное значение. Наибольшее сокращение разрыва продемонстрировали Словения и Польша (по 3,8% Индекса человеческого развития по сравнению со США), а среди постсоветских обществ — Латвия (2,4%) [Savelyev, 2011]. Болгария и Румыния также сократили свое отставание, но не так существенно — на 0,3 и 0,9% соответственно. За то же время Индекс человеческого развития Беларуси, Молдовы, Украины и России снизился в отношении основания сравнения (значения США) в среднем на -4,3% (-1,4% — в Беларуси, -6,1% — в Молдове, -5,2% — в Украине) [Savelyev, 2011].

Согласно модели модернизации следует ожидать, что разные темпы экономического роста, повышения материального благосостояния и показателей качества жизни должны по-разному влиять на формирование эмансипационных ценностей [Inglehart, Welzel, 2010]. Однако полученные данные указывают на то, что, несмотря на существенные различия в социально-экономическом развитии, в большинстве стран Центральной и Восточной Европы, ставших членами ЕС, с одной стороны, и в Беларуси, Молдове и Украине — с другой, формирование эмансипационных ценностей происходило аналогичным образом. Более того, в самых успешных постсоциалистических странах региона — Словении и Чешской Республике — не заметно проявлений модернизационных ценностных изменений (см. табл. 2). Лишь

в отношении России и, частично, Болгарии можно определить ценностный аспект демодернизации.

Нашей гипотезой, объясняющей эти различия, является предположение, что в указанный период коренных общественных трансформаций 1990–2000-х годов в восточноевропейских постсоциалистических странах одновременно происходили разнонаправленные процессы ценностных изменений. В результате кризиса 1990-х годов неблагоприятная социально-экономическая ситуация привела к усилению материалистических антимодерных ценностных ориентаций. Это можно считать свидетельством фундаментальных процессов демодернизации постсоциалистических обществ. В то же время тенденция формирования эмансипационных ценностей сохранилась в некоторых странах благодаря механизму социализации предшествующего социалистического периода, когда господствовало ощущение личной безопасности. Возрастные когорты, проходившие социализацию в тот период, достигали взрослой жизни в течение 1990–2000-х годов. Это поддерживало потенциал модернизации, несмотря на неблагоприятную социально-экономическую ситуацию. Подобное сочетание двух механизмов объясняет противоречивую картину ценностных изменений в восточноевропейских странах.

Единственный реалистичный способ проверки этой гипотезы — это проведение когортного анализа и дифференциация эффектов социально-экономического кризиса и социализации в ценностных изменениях. Поскольку социальные изменения состоят из различных компонентов, а именно из относительно независимых эффектов возраста, исторического периода и характеристик когорт (*age-period-cohort, APC*), то их размежевание позволяет выявить особенности социокультурных трансформаций постсоциалистических обществ [Savelyev, 2016].

Для выполнения поставленной задачи необходимо преодолеть ограничения дескриптивного анализа распределения ценностных приоритетов по отдельным возрастным когортам и применить метод линейной декомпозиции тренда с использованием регрессии [Firebaugh, 1989]. Этот метод помогает идентифицировать компоненты социальных изменений в рамках когортного анализа и выявить скрытые различия в процессе изменений ценностей, исходя из статистической объективной оценки параметров модели множественной регрессии — различий внутри возрастных когорт и между ними за определенный период.

Иными словами, такая линейная декомпозиция обеспечивает ортогональное размежевание *контекстуального компонента исторического периода* и *демографического компонента изменения поколений* в популяции. Однако это имеет смысл лишь в том случае, когда исследователь фокусируется только на двух эффектах социальных изменений (из трехкомпонентного комплекса *APC*), а третьим эффектом можно пренебречь. Как правило, им может быть компонент возрастных изменений [Alwin, McCammon, 2003].

Именно такой способ с использованием модели линейной регрессии был разработан Г.Файербау [Firebaugh, 1989]. Он основывается на предположении, что возраст не оказывает отдельного значительного эффекта для некоторых признаков, то есть существует стабильность индивидуальных различий в течение жизни. Тогда интеркогортный компонент (*the between-cohort component*) интерпретируется как показатель замещения поколений (изменений в популяции), а интракогортный компонент (*the within-cohort*

component) интерпретируется как проявление контекстуальных факторов или эффекта влияния исторического периода [Alwin, McCammon, 2003].

В нашем случае исследования эмансипационных ценностей оправданно применение метода линейной декомпозиции, а результаты могут быть хорошо проинтерпретированы, поскольку различия между возрастными когортами служат опосредованным показателем (прокси-переменной) для процесса социализации. Различия и общие черты, являющиеся результатом социализации, противостоят (ортогональны) другим характеристикам, обусловленным общими для всех когорт контекстуальными факторами [Savelyev, 2015].

Поскольку уровень образования может быть важным фактором ценностных приоритетов, а в современных европейских обществах молодые когорты более образованны, чем старшие возрастные группы, то для получения валидных оценок и обоснованного вывода в модели линейной декомпозиции нужно контролировать влияние образования на целевую переменную.

Анализ был проведен для 13 постсоциалистических стран (включая Беларусь, Молдову, Украину и Россию), для которых имеются данные Европейского и Всемирного исследования ценностей (EVS/WVS), соответственно агрегированные.

Переменными, включенными в статистическую модель, являются эмансипационные ценностные ориентации респондентов (бинарная целевая переменная) и три фактора: год рождения респондентов, год проведения исследования, уровень образования респондента (порядковая категориальная переменная). Чтобы проверить исследовательскую гипотезу, модели регрессии оцениваются отдельно для каждой страны на основе лонгитюдных данных, охватывающих четыре точки измерения в период с 1995 по 2009 год.

Преимуществом индекса эмансипационных ценностей, который определяется по четырем вопросам, является то, что его применяют во всех волнах Европейского и Всемирного исследования ценностей. Поэтому он позволяет использовать максимальное количество данных и сравнивать разные страны, поскольку вместо квазиметрической шкалы на выходе респондентов распределяют на группы, разделяющие материалистические, постматериалистические или смешанные ориентации.

Сопоставление долей респондентов сохраняет содержательность и корректность интерпретации результатов. Однако в этом случае зависимая переменная является категориальной, поэтому для статистического моделирования нужно использовать логистическую регрессию.

Таким образом, уравнение для нашей модели декомпозиции тренда приобретает следующую форму бинарной логистической регрессии с двумя вариантами зависимых переменных: «принадлежность к группе, разделяющей постматериалистические приоритеты», и «принадлежность к группе, разделяющей материалистические приоритеты» с альтернативами «да» или «нет» для каждого варианта:

$$P(y) = 1 / (1 + \exp(-(b_0 + b_1 \text{период} + b_2 \text{когорта} + b_3 \text{образование} + \varepsilon))),$$

где $P(y)$ — вероятность принадлежности к группе постматериалистов (или к группе материалистов в случае другого варианта модели), b_0 — это логарифм шансов принадлежности к группе без факторов в модели, b_1 — логарифм соотношения шансов принадлежности к группе с изменением года измерения (интракогортный компонент модели), b_2 — логарифм соотноше-

ния шансов принадлежности к группе с изменением года рождения (интеркогортный компонент модели), b_3 — логарифм соотношения шансов принадлежности к группе с изменением уровня образования, ε — стохастическая погрешность.

Интерпретация модели декомпозиции ограничивается оценкой статистической значимости коэффициентов и определением направления связи, что отображается знаком коэффициента (логарифм соотношения шансов). Если коэффициент интеркогортного компонента (год рождения респондентов — замещения когорт как прокси-переменная социализации) бинарной логистической регрессии значимый и положительный в модели, которая прогнозирует принадлежность к группе, разделяющей постматериалистические ценности, а аналогичный коэффициент в модели, которая прогнозирует принадлежность к группе, разделяющей материалистические ценности, значимый и отрицательный, то для этого общества подтверждается гипотеза распространения эмансипационных ценностей через механизм социализации. Соответственно можно говорить о модернизационном тренде вопреки кризисным явлениям 1990-х годов.

Если коэффициент интракогортного компонента (год проведения исследования как показатель эффекта исторического периода) бинарной логистической регрессии является значимым и отрицательным в модели, которая прогнозирует принадлежность к группе, разделяющей постматериалистические ценности, а аналогичный коэффициент в модели, которая прогнозирует принадлежность к группе, разделяющей материалистические ценности, значимый и положительный, то для этого общества подтверждается гипотеза усиления антимодерных ценностных ориентаций через контекстуальное влияние исторического периода. Соответственно можно сделать вывод о ценностной почве демодернизации вследствие социально-политических проблем и потери ощущения безопасности.

Моделирование также продемонстрировало, что роль образования стабильно значима во всех странах ($p < 0,001$) и в большинстве случаев не аннулирует эффекты исторического периода или замещения когорт. Контроль влияния образования позволяет понять, повышаются или снижаются шансы разделять эмансипационные ценности с изменением года рождения (или года измерения для интракогортного компонента модели) у лиц с идентичным уровнем образования. То есть целевые эффекты оцениваются независимо от влияния образования на зависимую переменную ценностных ориентаций (см. табл. 3 и табл. 4).

В результате применения предложенной модели линейной декомпозиции были получены дифференцированные оценки компонентов ценностных изменений в контексте процессов модернизации и демодернизации в восточноевропейских обществах. Эти оценки преодолевают ограничения описательной статистики.

Как видно из таблиц 3 и 4, во всех странах (исключение составляет только группа постматериалистов в Латвии) существует тенденция распространения эмансипационных ценностей через механизм социализации (компонент замещения когорт), поскольку у представителей более молодых когорт шансы попасть в группу с постматериалистическими приоритетами выше (табл. 3). Вместе с тем их шансы оказаться в группе с материалистическими приоритетами снижаются (табл. 4).

Компоненты изменений эмансипационных ценностей
(группа постматериалистов; бинарная логистическая регрессия,
нестандартизированные коэффициенты), 1995–2008

Страна	Изменение доли пост-материалистов, %	Компонент периода	Компонент замещения когорт
Беларусь	1,33	-0,028*	0,023***
Болгария	-2,13	-0,082***	0,018**
Чешская Республика	1,16	-0,014	0,014***
Эстония	0,63	0,017	0,021***
Латвия	2,4	0,032*	0,006
Литва	0,55	-0,031	0,018**
Молдова	1,89	0,029	0,012*
Польша	1,55	-0,015	0,017***
Румыния	-0,64	-0,032*	0,018***
Российская Федерация	-0,58	-0,043*	0,024***
Словакия	0,76	0,024	0,019***
Словения	0,06	-0,019*	0,013***
Украина	-0,59	-0,033*	0,013*

Источник: EVS (2011). European Values Study 1981–2008, Longitudinal Data File; WVS (2009). World Value Survey 1981–2008 official aggregate.

* $p < 0,05$ ** $p < 0,01$ *** $p < 0,001$.

Уровень образования статистически значим для всех стран ($p < 0,001$).

Важно, что указанная тенденция не является очевидной из имеющихся дескриптивных данных (см. табл. 1 и 2). Ответ заключается в том, что эта общая тенденция сходит на нет потому, что интракогортный компонент (эффект исторического периода) и интеркогортный компонент (эффект замещения когорт) в большинстве случаев демонстрируют противоположные направления изменений.

Даже постсоветские страны, не принадлежащие к ЕС и пережившие глубочайший упадок 1990-х годов, демонстрируют положительный эмансипационный сдвиг вследствие влияния предшествующей социализации. Коэффициент бинарной логистической регрессии для эффекта замещения когорт группы постматериалистов (относится к этой группе или нет) оказался значимым для Беларуси – 0,02 ($p < 0,001$), России – 0,02 ($p < 0,001$), Молдовы – 0,01 ($p < 0,05$) и Украины – 0,01 ($p < 0,05$), если контролировать переменную уровня образования (табл. 3). Аналогично, чем младше человек, тем менее он склонен к сугубо материалистическим приоритетам (значимые отрицательные коэффициенты бинарной логистической регрессии, табл. 4).

Следовательно, если условия социализации были благоприятными, ее механизм обеспечивает поддержку модернизационного тренда. Впрочем, обострение социально-экономических проблем приводит к повышению угрозы демодернизации из-за усиления материалистических ориентаций, о чем свидетельствует полученная оценка эффектов исторического периода в некото-

рых странах. Можно предположить, что именно этот контекстуальный компонент указывает на почву для демодернизации восточноевропейских обществ вследствие снижения чувства экзистенциальной безопасности.

Таблица 4

Компоненты изменений эмансипационных ценностей
(группа материалистов; бинарная логистическая регрессия, нестандартизированные коэффициенты), 1995–2008

Страна	Изменение доли материалистов, %	Компонент периода	Компонент замещения когорт
Беларусь	-4,83	0,019*	-0,019***
Болгария	-10,41	-0,001	-0,009***
Чешская Республика	-0,81	0,045***	-0,015***
Эстония	-9,28	-0,032***	-0,012***
Латвия	-5,54	-0,011	-0,011***
Литва	-16,17	-0,032***	-0,008**
Молдова	-5,1	-0,012	-0,011***
Польша	-3,95	0,010	-0,012***
Румыния	-7,99	-0,023*	-0,004*
Российская Федерация	2,89	0,035***	-0,017***
Словакия	-10,53	-0,040***	-0,017***
Словения	1,66	0,026**	-0,014***
Украина	-6,03	-0,004	-0,009***

Источник: EVS (2011). European Values Study 1981–2008, Longitudinal Data File; WVS (2009). World Value Survey 1981–2008 official aggregate.

* $p < 0,05$ ** $p < 0,01$ *** $p < 0,001$.

Уровень образования статистически значим для всех стран ($p < 0,001$).

Из табл. 3 и табл. 4 видно, что влияние этого компонента различалось в разных странах, что вполне естественно отражает специфику социально-экономической и политической ситуации 1990–2000-х годов. Коэффициент бинарной логистической регрессии для этого эффекта (компонентов периода) группы постматериалистов отрицательный для Беларуси — $-0,03$ ($p < 0,05$), России — $-0,04$ ($p < 0,05$) и Украины — $-0,03$ ($p < 0,05$) при контроле уровня образования респондентов (табл. 3). Аналогичный контекст был также в Болгарии, Румынии и, неожиданно, в Словении, являющейся одной из наиболее успешных постсоциалистических стран. С другой стороны, увеличение группы людей с материалистическими приоритетами из-за контекстуального влияния среди постсоветских стран происходило в Беларуси, России, но не в Украине (табл. 4).

Значит, если за период трансформаций, охватывающих четыре точки измерения, механизм социализации способствовал модернизационным процессам во всех восточноевропейских странах (в Латвии — частично), то в шести из них, в частности в Украине, исторический контекст ценностных изменений указывает на угрозу демодернизации (табл. 5).

**Оценка влияния ценностных изменений на модернизацию
в постсоциалистических странах, 1995–2008**

Страна	Эффект исторического периода	Эффект социализации
Беларусь	угроза демодернизации	способствует модернизации
Болгария	частичная угроза демодернизации	способствует модернизации
Чешская Республика	частичная угроза демодернизации	способствует модернизации
Эстония	частично способствует модернизации	способствует модернизации
Латвия	частично способствует модернизации	частично способствует модернизации
Литва	частично способствует модернизации	способствует модернизации
Молдова	влияние незначимое	способствует модернизации
Польша	влияние незначимое	способствует модернизации
Румыния	влияние разнонаправленное	способствует модернизации
Российская Федерация	угроза демодернизации	способствует модернизации
Словакия	частично способствует модернизации	способствует модернизации
Словения	угроза демодернизации	способствует модернизации
Украина	частичная угроза демодернизации	способствует модернизации

Источник: EVS (2011). European Values Study 1981–2008, Longitudinal Data File; WVS (2009). World Value Survey 1981–2008 official aggregate.

Оценка на основе моделей бинарной логистической регрессии для групп постматериалистов и материалистов.

Вместе с тем в четырех странах — Эстонии, Латвии, Литве и Словакии — эффект периода, наоборот, частично поддерживал модернизационный тренд в аспекте формирования эмансипационных ценностей. В двух странах его влияние не было статистически значимым, а в Румынии имело разную направленность для групп материалистов и постматериалистов.

Также у части постсоциалистических обществ, охваченных анализом, а именно в Беларуси, России, Словении и Украине отрицательный эффект исторического периода не является статистически значимым в модели логистической регрессии для группы постматериалистов, если не учитывать уровень образования респондентов. Это указывает на то, что в конечном счете отрицательное контекстуальное влияние на распространение эмансипационных ценностей в этих странах было компенсировано повышением уровня образования населения. (Данные EVS/WVS, используемые в нашем исследовании, свидетельствуют о том, что уровень образования вырос в 11 странах за время между волнами опросов, но остался постоянным в Эстонии и Румынии.) Это означает, что образование может в определенной мере уравновешивать фактическое снижение поддержки эмансипационных ценностей. Таким образом, повышение уровня образования является опре-

деленным предохранителем от демодернизации из-за ухудшения социально-экономических условий.

Выводы

Итак, теоретико-социологический анализ демонстрирует, что модернизация является перманентным, релятивным, нелинейным и антиномичным процессом, который необходимо рассматривать исключительно в контексте демодернизации. Антиномии модерна связаны с процессом эмансипации и соответствующим изменением ценностных ориентаций в обществе. Эмансипация происходит на фоне повышения качества жизни одновременно с увеличением для современного человека ответственности за его выбор и угрозами для индивидуальной свободы, что актуализирует проблему инклюзивности модернизации.

В процессе модернизации происходит постоянное противостояние с антимодерными практиками. Усиление последних из-за неблагоприятных социально-экономических условий и снижение чувства экзистенциальной безопасности может угрожать демодернизацией, сопровождающейся снижением толерантности и готовности к включению других, уменьшением доверия к демократическим институтам, нарушением рациональной общественной коммуникации, снижением поддержки эмансипационных ценностей и повышением материалистических. Глобализация, значительно ускорившая модернизацию и императивно приобщившая периферийные общества и консервативные слои населения, спровоцировала также жесткий антимодернизационный ответ. Во многих странах мира происходит подъем архаических практик в различных формах. Постсоциалистические страны Восточной Европы из-за особенностей исторического развития оказались уязвимыми перед угрозой демодернизации.

Применение модели модернизации [Welzel et al., 2003; Inglehart, Welzel, 2010] позволяет выявить характер и тенденции изменений ценностных ориентаций населения в восточноевропейских странах периода общественных трансформаций 1990–2000-х годов. Статистический анализ агрегированных данных Европейского исследования ценностей (EVS) и Всемирного исследования ценностей (WVS) методом линейной декомпозиции тренда продемонстрировал разнонаправленность ценностных изменений как эффектов влияния социализации и исторических обстоятельств в определенных странах Восточной Европы в указанный период. Эти противоположные изменения указывают на одновременную актуальность ценностного основания модернизации и демодернизации как в более успешных странах, вовлеченных в процесс европейской интеграции, таких как Словения и Чешская Республика, так и в постсоветских Беларуси, Украине и России.

Дифференциация эффектов исторического периода и изменения поколений посредством интракогортного и интеркогортного компонентов изменений продемонстрировала, что механизм социализации является ключевым для объяснения устойчивости тренда модернизации, поскольку результат социализации отражает различия между когортами в ценностных ориентациях, сформированных в условиях ощущения постепенного повышения качества жизни в предшествующий период. Если контекстуальные социальные изменения влияют одновременно на все возрастные когорты, то

последствия социализации определяют формирование основных ценностей, которые отличают когорты независимо от общего влияния текущих исторических событий.

Постепенное повышение материального благосостояния и чувства экзистенциальной безопасности в целом способствуют распространению эмансипационных ценностей, выступающих предпосылкой модернизации политических институтов. С другой стороны, экономическая бедность, неэффективная социальная политика и потеря чувства уверенности среди разных слоев населения является основанием для усиления антимодерных ценностных ориентаций. В результате различия социально-экономической и политической ситуации 1990–2000-х годов в разных странах эффект исторического периода существенно различается между странами региона. В частности, для Беларуси, Украины и России оказалось, что межкогортный сдвиг эмансипационных ценностей омрачается флуктуациями материалистических приоритетов, обусловленных неблагоприятными контекстуальными факторами. Отсюда обострение социально-экономических проблем приводит к повышению угрозы демодернизации путем усиления материалистических ориентаций населения.

Общий вывод исследования заключается в том, что процесс модернизации может быть неразрывно связан с демодернизацией в течение одного и того же периода. Хотя европейская интеграция с демократическими обществами с инклюзивными социальными институтами и инновационно ориентированной экономикой оказалась достаточно эффективной стратегией модернизации большинства постсоциалистических обществ Центральной и Восточной Европы, этот процесс не является необратимым, о чем свидетельствуют антимодернизационные вызовы дня нынешнего. Проведенный анализ дает возможность лучше понять парадоксы развития региона Восточной Европы и фундаментальные угрозы демодернизации современных обществ. Это также позволило дополнить существующие знания об институциональных, экономических и социокультурных измерениях модернизации украинского общества, а также определить место Украины в региональном контексте и оценить перспективы и препятствия ее развитию на пути европейской интеграции.

Источники

Бергер, П. (1990). Понимание современности. *Социологические исследования*, 7, 127–133.

Вельцель, К., Инглхарт, Р., Александер, Э., & Понарин, Э. (2012). Распутывание связей между культурой и институтами на примере эмансипации человечества. *Журнал социологии и социальной антропологии*, XV(4), 12–43.

Медведев, С. (2014, 26 ноября). Донецкий джихад: чем ДНР похожа на “Исламское государство”. *Forbes*. Отримано з <http://www.forbes.ru/mneniya-column/tsennosti/274247-chem-dnr-pokhozha-na-islamskoe-gosudarstvo-i-kolumbiiskikh-partizan>.

Савельев, Ю. Б. (2015а). Когортный анализ и проблема разграничения компонентов социальных изменений: метод линейной декомпозиции тренда. *Социологические исследования*, 10, 130–135.

Савельєв, Ю. Б. (2015b). Соціальне включення та ексклюзія як форми взаємодії в суспільстві: евристичний потенціал соціологічних концепцій. *Український соціум*, 4 (55), 61–74.

Савельєв, Ю. Б. (2017). *Багатомірність сучасності: соціальне включення в оцінку суспільного розвитку*. Київ: Видавничо-поліграфічний центр “Київський університет”.

Хабермас, Ю. (2003). *Філософський дискурс о модерне*. Москва: Весь Мир.

Цаф, В. (1998). Теория модернизации и различие путей общественного развития. *Социологические исследования*, 8, 14–26.

Штомпка, П. (1996). *Социология социальных изменений*. Москва: Аспект Пресс.

Acemoglu, D., & Robinson, J. (2012). *Why nations fail: The origins of power, prosperity, and poverty*. New York, NY: Crown Publishing Group.

Altvater, E. (1998). Theoretical deliberations on time and space in post-socialist transformation. *Regional Studies*, 32(7), 591–605. <https://doi.org/10.1080/00343409850119490>.

Alwin, D. F., McCammon, R. J. (2003). Generations, cohorts, and social change. In J. T. Mortimer, & M. J. Shanahan (Eds.), *Handbook of the life course* (pp. 23–49). New York, NY: Kluwer Academic/Plenum Publishers.

Bauman, Z. (2000). *Liquid modernity*. Cambridge, England: Polity Press.

Bendix, R. (1977). *Nation-building and citizenship: Studies of our changing social order* (Rev. ed.). Berkeley: University of California Press.

Blokker, P. (2005). Post-communist modernization, transition studies, and diversity in Europe. *European Journal of Social Theory*, 8(4), 503–525. <https://doi.org/10.1177/1368431005059703>.

Cohen, S. F. (2001). *Failed crusade: America and the tragedy of post-communist Russia* (Rev. ed.). New York, NY: W. W. Norton & Co.

Dahrendorf, R. (1992). Democracy and modernity: Notes on the European experience. In S. N. Eisenstadt (Ed.), *Democracy and modernity: International colloquium on the centenary of David Ben-Gurion* (pp. 15–19). Leiden, Netherlands: E. J. Brill.

Deutsch, K. W. (1961). Social mobilization and political development. *American Political Science Review*, 55(3), 493–514. <https://doi.org/10.1017/S0003055400125134>.

Eisenstadt, S. N. (2010). Modernity and modernisation. *Sociopedia.isa*. Retrieved from <http://www.sagepub.net/isa/resources/pdf/Modernity.pdf>.

Firebaugh, G. (1989). Methods for estimating cohort replacement effects. *Sociological Methodology*, 19, 243–262. <https://doi.org/10.2307/270954>.

Foucault, M. (1965). *Madness and civilization: A history of insanity in the age of reason*. New York, NY: Pantheon Books.

Foucault, M. (1978). *Discipline and punish: The birth of the prison*. New York, NY: Pantheon Books.

GESIS – Leibniz-Institut für Sozialwissenschaften. Datenarchiv für Sozialwissenschaften (2015). European Values Study longitudinal data file 1981–2008, ZA4804. <https://doi.org/10.4232/1.12253>

Giddens, A. (1984). *The constitution of society: Outline of the theory of structuration*. Berkeley: University of California Press.

Harrison, D. H. (1988). *The sociology of modernization and development*. Crows Nest, Australia: Unwin Hyman.

Häyriinen-Alestalo, M. (2001). Is knowledge-based society a relevant strategy for civil society? *Current Sociology*, 49(4), 203–218. <https://doi.org/10.1177/0011392101049004011>.

Inglehart, R. (1990). *Culture shift in advanced industrial society*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Inglehart, R., Haerpfer, C., Moreno, A., Welzel, Ch., Kizilova, K., Diez-Medrano, J., ... Puranen, B. (Eds.). (2014). *World Values Survey: Round six – country-pooled datafile version*. Madrid, Spain: JD Systems Institute. Retrieved from <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV6.jsp>.

Inglehart, R., & Welzel, Ch. (2005). *Modernization, cultural change and democracy: The human development sequence*. New York, NY: Cambridge University Press.

Inglehart, R., & Welzel, Ch. (2010). Changing mass priorities: The link between modernization and democracy. *Perspectives on Politics*, 8(2), 551–567. <https://doi.org/10.1017/S1537592710001258>.

Inkeles, A., & Smith, D. H. (1974). *Becoming modern: Individual change in six developing countries*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Janos, A. C. (1994). Continuity and change in Eastern Europe: Strategies of post-communist politics. *East European Politics and Societies, and Cultures*, 8(1), 1–31. <https://doi.org/10.1177/0888325494008001001>.

Kapustin, B. (2003). Modernity's failure/post-modernity's predicament: The case of Russia. *Critical Horizons: A Journal of Philosophy and Social Theory*, 4(1), 99–145. <https://doi.org/10.1163/156851603765200230>.

Lerner, D. (1968). Modernization: Social aspects. In D. L. Sills, & R. K. Merton (Eds.), *International Encyclopedia of the Social Sciences* in 19 vol. Vol. 9 (pp. 386–394). New York, NY: Macmillan & Free Press.

Levy, M. J., Jr. (1996). *Modernization and the structure of societies* in 2 vol. Vol. 1. The organizational contexts of societies. Piscataway, NJ: Transaction Publishers.

Lipset, S. M., & Bendix, R. (1959). *Social mobility in industrial society*. Berkeley: University of California Press.

Martinelli, A. (2005). *Global modernization: Rethinking the project of modernity*. London, England: SAGE Publications.

Müller, K. (1992). “Modernizing” Eastern Europe: Theoretical problems and political dilemmas. *European Journal of Sociology*, 33(1), 109–150. <https://doi.org/10.1017/S000397560000638X>.

North, D. C., Wallis, J. J., & Weingast, B. R. (2009). *Violence and social orders: A conceptual framework for interpreting recorded human history*. New York, NY: Cambridge University Press.

Parsons, T. (1971). *The system of modern societies*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall.

Piketty, Th. (2014). *Capital in the twenty-first century*. Cambridge, MA: The Belknap Press of Harvard University Press.

Ritzer, G. (2000). *The McDonaldization of society* (Rev. ed.). Thousand Oaks, CA: Pine Forge Press.

Robertson, R. (1992). *Globalization: Social theory and global culture*. London, England: SAGE Publications.

Savelyev, Yu. (2011). European integration and differences in development tracks of East European borderland. *Proceedings of the National University of “Kyiv-Mohyla Academy”. Sociological Science*, 122, 71–79. <https://doi.org/10.2139/ssrn.2803927>.

Savelyev, Yu. (2013). Modernization and pseudomorphosis: The case of the forced gender transformation in the context of the communist project of modernization and its collapse. *RSC: Research in Social Change*, 5(1), 65–93.

Savelyev, Yu. (2016). Decomposition of value change in European societies in 1995–2008: Test of modernization model and socialization hypothesis. *Sociología*, 48(3), 267–289.

Sen, A. (1999). *Development as freedom*. New York, NY: Alfred A. Knopf.

Sztompka, P. (1993). Civilizational incompetence: The trap of post-communist societies. *Zeitschrift für Soziologie*, 22(2), 85–95. <https://doi.org/10.1515/zfsoz-1993-0201>.

Therborn, G. (2003). Entangled modernities. *European Journal of Social Theory*, 6(3), 293–305. <https://doi.org/10.1177/13684310030063002>.

Tiryakian, E. A. (1995). Modernization in a millenarian decade: Lessons for and from Eastern Europe. In B. Grancelli (Ed.), *Social change and modernization: Lessons from Eastern Europe* (pp. 249–264). Berlin, Germany: Walter de Gruyter.

Touraine, A. (2009). *Thinking differently*. Cambridge, England: Polity Press.

United Nations Development Programme. (2007). Human Development Report 2007–2008. Fighting climate change: Human solidarity in a divided world. <https://doi.org/10.18356/6d252f18-en>.

Wagner, P. (1994). *A sociology of modernity: Liberty and discipline*. London, England: Routledge.

Wallerstein, I. (2000). Globalization or the age of transition? A long-term view of the trajectory of the world-system. *International Sociology*, 15(2), 249–265. <https://doi.org/10.1177/0268580900015002007>.

Welzel, Ch., Inglehart, R., Klingemann, H-D. (2003). The theory of human development: A cross-cultural analysis. *European Journal of Political Research*, 42(3), 341–379. <https://doi.org/10.1111/1475-6765.00086>.

Zhang, F., & He, Ch. (2015). World modernization indexes 1950 to 2010. In A. Martinelli, & Ch. He (Eds.), *Global modernization review: New discoveries and theories revisited* (pp. 131–136). Singapore: World Scientific.

Материал получен 18.03.2019

References

Acemoglu, D., & Robinson, J. (2012). *Why nations fail: The origins of power, prosperity, and poverty*. New York, NY: Crown Publishing Group.

Altwater, E. (1998). Theoretical deliberations on time and space in post-socialist transformation. *Regional Studies*, 32(7), 591–605. <https://doi.org/10.1080/00343409850119490>.

Alwin, D. F., McCammon, R. J. (2003). Generations, cohorts, and social change. In J. T. Mortimer, & M. J. Shanahan (Eds.), *Handbook of the life course* (pp. 23–49). New York, NY: Kluwer Academic/Plenum Publishers.

Bauman, Z. (2000). *Liquid modernity*. Cambridge, England: Polity Press.

Bendix, R. (1977). *Nation-building and citizenship: Studies of our changing social order* (Rev. ed.). Berkeley: University of California Press.

Berger, P. (1990). Facing up to modernity. [In Russian]. *Sociological Studies*, 7, 127–133. [= Береп 1990]

Blokker, P. (2005). Post-communist modernization, transition studies, and diversity in Europe. *European Journal of Social Theory*, 8(4), 503–525. <https://doi.org/10.1177/1368431005059703>.

Cohen, S. F. (2001). *Failed crusade: America and the tragedy of post-communist Russia* (Rev. ed.). New York, NY: W. W. Norton & Co.

Dahrendorf, R. (1992). Democracy and modernity: Notes on the European experience. In S. N. Eisenstadt (Ed.), *Democracy and modernity: International colloquium on the centenary of David Ben-Gurion* (pp. 15–19). Leiden, Netherlands: E. J. Brill.

Deutsch, K. W. (1961). Social mobilization and political development. *American Political Science Review*, 55(3), 493–514. <https://doi.org/10.1017/S0003055400125134>.

Eisenstadt, S. N. (2010). Modernity and modernisation. *Sociopedia.isa*. Retrieved from <http://www.sagepub.net/isa/resources/pdf/Modernity.pdf>.

Firebaugh, G. (1989). Methods for estimating cohort replacement effects. *Sociological Methodology*, 19, 243–262. <https://doi.org/10.2307/270954>.

Foucault, M. (1965). *Madness and civilization: A history of insanity in the age of reason*. New York, NY: Pantheon Books.

Foucault, M. (1978). *Discipline and punish: The birth of the prison*. New York, NY: Pantheon Books.

GESIS – Leibniz-Institut für Sozialwissenschaften. Datenarchiv für Sozialwissenschaften (2015). European Values Study longitudinal data file 1981–2008, ZA4804. <https://doi.org/10.4232/1.12253>

Giddens, A. (1984). *The constitution of society: Outline of the theory of structuration*. Berkeley: University of California Press.

Habermas, J. (2003). *Der philosophische Diskurs der Moderne*. [In Russian]. Moscow, Russian Federation: Ves Mir. [= Хабермас 2003]

Harrison, D. H. (1988). *The sociology of modernization and development*. Crows Nest, Australia: Unwin Hyman.

Häyriinen-Alestalo, M. (2001). Is knowledge-based society a relevant strategy for civil society? *Current Sociology*, 49(4), 203–218. <https://doi.org/10.1177/0011392101049004011>.

Inglehart, R. (1990). *Culture shift in advanced industrial society*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Inglehart, R., Haerpfer, C., Moreno, A., Welzel, Ch., Kizilova, K., Diez-Medrano, J., ... Puranen, B. (Eds.). (2014). *World Values Survey: Round six – country-pooled datafile version*. Madrid, Spain: JD Systems Institute. Retrieved from <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV6.jsp>.

Inglehart, R., & Welzel, Ch. (2005). *Modernization, cultural change and democracy: The human development sequence*. New York, NY: Cambridge University Press.

Inglehart, R., & Welzel, Ch. (2010). Changing mass priorities: The link between modernization and democracy. *Perspectives on Politics*, 8(2), 551–567. <https://doi.org/10.1017/S1537592710001258>.

Inkeles, A., & Smith, D. H. (1974). *Becoming modern: Individual change in six developing countries*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Janos, A. C. (1994). Continuity and change in Eastern Europe: Strategies of post-communist politics. *East European Politics and Societies, and Cultures*, 8(1), 1–31. <https://doi.org/10.1177/0888325494008001001>.

Kapustin, B. (2003). Modernity's failure/post-modernity's predicament: The case of Russia. *Critical Horizons: A Journal of Philosophy and Social Theory*, 4(1), 99–145. <https://doi.org/10.1163/156851603765200230>.

Lerner, D. (1968). Modernization: Social aspects. In D. L. Sills, & R. K. Merton (Eds.), *International Encyclopedia of the Social Sciences* in 19 vol. Vol. 9 (pp. 386–394). New York, NY: Macmillan & Free Press.

Levy, M. J., Jr. (1996). *Modernization and the structure of societies* in 2 vol. Vol. 1. The organizational contexts of societies. Piscataway, NJ: Transaction Publishers.

Lipset, S. M., & Bendix, R. (1959). *Social mobility in industrial society*. Berkeley: University of California Press.

Martinelli, A. (2005). *Global modernization: Rethinking the project of modernity*. London, England: SAGE Publications.

Medvedev, S. (2014, November 26). Donetsk-style jihad: How the DPR is similar to the “Islamic State”. [In Russian]. *Forbes*. Retrieved from <http://www.forbes.ru/mneniya-column/tsennosti/274247-chem-dnr-pokhozha-na-islamskoe-gosudarstvo-i-kolumbiiskikh-partizan>. [= Медведев 2014]

Müller, K. (1992). “Modernizing” Eastern Europe: Theoretical problems and political dilemmas. *European Journal of Sociology*, 33(1), 109–150. <https://doi.org/10.1017/S000397560000638X>.

North, D. C., Wallis, J. J., & Weingast, B. R. (2009). *Violence and social orders: A conceptual framework for interpreting recorded human history*. New York, NY: Cambridge University Press.

Parsons, T. (1971). *The system of modern societies*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall.

Piketty, Th. (2014). *Capital in the twenty-first century*. Cambridge, MA: The Belknap Press of Harvard University Press.

Ritzer, G. (2000). *The McDonaldization of society* (Rev. ed.). Thousand Oaks, CA: Pine Forge Press.

Robertson, R. (1992). *Globalization: Social theory and global culture*. London, England: SAGE Publications.

Savelyev, Yu. (2011). European integration and differences in development tracks of East European borderland. *Proceedings of the National University of "Kyiv-Mohyla Academy". Sociological Science*, 122, 71–79. <https://doi.org/10.2139/ssrn.2803927>.

Savelyev, Yu. (2013). Modernization and pseudomorphosis: The case of the forced gender transformation in the context of the communist project of modernization and its collapse. *RSC: Research in Social Change*, 5(1), 65–93.

Savelyev, Yu. B. (2015a). Cohort analysis and the problem of delimiting components of social change: The method of linear trend decomposition. [In Russian]. *Sociological Studies*, 10, 130–135. [= Савельев 2015a]

Savelyev, Yu. B. (2015b). Social inclusion and exclusion as forms of social interaction: The heuristic potential of sociological concepts. [In Ukrainian]. *Ukrainian Society*, 4 (55), 61–74. [= Савельев 2015b]

Savelyev, Yu. (2016). Decomposition of value change in European societies in 1995–2008: Test of modernization model and socialization hypothesis. *Sociología*, 48(3), 267–289.

Savelyev, Yu. B. (2017). *Multidimensional modernity: Social inclusion in the assessment of social progress*. [In Ukrainian]. Kyiv, Ukraine: Kyiv University Press. [= Савельев 2017]

Sen, A. (1999). *Development as freedom*. New York, NY: Alfred A. Knopf.

Sztompka, P. (1993). Civilizational incompetence: The trap of post-communist societies. *Zeitschrift für Soziologie*, 22(2), 85–95. <https://doi.org/10.1515/zfsoz-1993-0201>.

Sztompka, P. (1996). *The sociology of social change*. [In Russian]. Moscow, Russian Federation: Aspect Press. [= Штомпка 1996]

Therborn, G. (2003). Entangled modernities. *European Journal of Social Theory*, 6(3), 293–305. <https://doi.org/10.1177/13684310030063002>.

Tiryakian, E. A. (1995). Modernization in a millenarian decade: Lessons for and from Eastern Europe. In B. Grancelli (Ed.), *Social change and modernization: Lessons from Eastern Europe* (pp. 249–264). Berlin, Germany: Walter de Gruyter.

Touraine, A. (2009). *Thinking differently*. Cambridge, England: Polity Press.

United Nations Development Programme. (2007). Human Development Report 2007–2008. Fighting climate change: Human solidarity in a divided world. <https://doi.org/10.18356/6d252f18-en>.

Wagner, P. (1994). *A sociology of modernity: Liberty and discipline*. London, England: Routledge.

Wallerstein, I. (2000). Globalization or the age of transition? A long-term view of the trajectory of the world-system. *International Sociology*, 15(2), 249–265. <https://doi.org/10.1177/0268580900015002007>.

Welzel, Ch., Inglehart, R., Alexander, A., & Ponarin, E. (2012). Disentangling the ties between culture and institutions: How human emancipation exemplifies this phenomenon. [In Russian]. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, XV(4), 12–43. [= Вельцель 2012]

Welzel, Ch., Inglehart, R., Klingemann, H-D. (2003). The theory of human development: A cross-cultural analysis. *European Journal of Political Research*, 42(3), 341–379. <https://doi.org/10.1111/1475-6765.00086>.

Zapf, W. (1998). Die Modernisierungstheorie und unterschiedliche Pfade der gesellschaftlichen Entwicklung. [In Russian]. *Sociological Studies*, 8, 14–26. [= Цапф 1998]

Zhang, F., & He, Ch. (2015). World modernization indexes 1950 to 2010. In A. Martinelli, & Ch. He (Eds.), *Global modernization review: New discoveries and theories revisited* (pp. 131–136). Singapore: World Scientific.

Received 18.03.2019

ЮРІЙ САВЕЛЬЄВ

Інклюзивна модернізація та суперечності ціннісних змін у країнах Східної Європи у 1990–2000-х роках

Стаття має на меті ознайомити українських соціологів із результатами досліджень процесів модернізації та ціннісних змін у постсоціалістичних країнах Східної Європи під час глибинних суспільних трансформацій 1990-х — першої половини 2000-х років. Продемонстровано, що модернізація є перманентним, релятивним, нелінійним і антиномійним процесом. Антиномії модерну пов'язані з процесом емансипації та відповідною зміною ціннісних орієнтацій у суспільстві. Емансипація на тлі підвищення якості життя супроводжується одночасним зростанням для сучасної людини відповідальності за її вибір та загрозами для індивідуальної свободи, що актуалізує проблему інклюзивності модернізації. З іншого боку, несприятливі соціально-економічні умови та послаблення відчуття екзистенційної безпеки можуть призвести до демодернізації, яка супроводжується зниженням толерантності й готовності до прийняття інших, падінням довіри до демократичних інститутів, порушенням раціональної суспільної комунікації, меншою підтримкою емансипаційних цінностей і більшою — матеріалістичних.

Оцінювання шляхом статистичного моделювання ефектів історичного періоду та зміни поколінь через інтракогортний та інтеркогортний компоненти соціальних змін засвідчило, що механізм соціалізації є ключовим для пояснення стійкості тренду модернізації, оскільки існують відмінності між когортами у ціннісних орієнтаціях, які були сформовані за умов поступового поліпшення якості життя у попередній період. У 13-ти постсоціалістичних країнах існує тенденція поширення емансипаційних цінностей шляхом соціалізації, проте в декількох із них статистично значущий інтеркогортний компонент поєднується з несприятливими контекстуальними чинниками.

Отже, хоч європейська інтеграція виявилася досить ефективною стратегією модернізації для більшості постсоціалістичних суспільств Східної Європи, цей процес не є необоротним. Саме таке бачення дає змогу краще зрозуміти суперечливість розвитку регіону Східної Європи, зокрема українського суспільства.

Ключові слова: інклюзивна модернізація, цінності, соціальні зміни, демодернізація, східноєвропейські країни

ЮРИЙ САВЕЛЬЕВ

Инклюзивная модернизация и противоречия ценностных изменений в странах Восточной Европы в 1990–2000-х годах

Статья имеет целью ознакомить украинских социологов с результатами исследований процессов модернизации и ценностных изменений в постсоциалистических странах Восточной Европы во время глубинных общественных трансформаций 1990-х — первой половины 2000-х годов. Продемонстрировано, что модернизация является перманентным, релятивным, неллинейным и антиномическим процессом. Антиномии модерна связаны с процессом эмансипации и соответствующим изменением ценностных ориентаций в обществе. Эмансипация на фоне повышения качества жизни сопровождается одновременным возрастанием для современного человека ответственности за его выбор и угрозами для индивидуальной свободы, что актуализирует проблему инклюзивности модернизации. С другой стороны, неблагоприятные социально-экономические условия и ослабление чувства экзистенциальной безопасности могут привести к демодернизации, сопровождающейся снижением толерантности и готовности к принятию других, падением доверия к демократическим институтам, нарушением рациональной общественной коммуникации, меньшей поддержкой эмансипационных ценностей и большей — материалистических.

Оценка путем статистического моделирования эффектов исторического периода и смены поколений при помощи интракоhortного и интеркоhortного компонентов социальных изменений показала, что механизм социализации является ключевым для объяснения устойчивости тренда модернизации, поскольку существуют различия между когортами в ценностных ориентациях, сформировавшихся в условиях постепенного улучшения качества жизни в предшествующий период. В 13-ти постсоциалистических странах существует тенденция распространения эмансипационных ценностей путем социализации, однако в нескольких из них статистически значимый интеркоhortный компонент сочетается с неблагоприятными контекстуальными факторами.

Поэтому, хотя европейская интеграция оказалась довольно эффективной стратегией модернизации для большинства постсоциалистических обществ Восточной Европы, этот процесс не является необратимым. Именно такой взгляд позволяет лучше понять противоречивость развития региона Восточной Европы, в частности украинского общества.

Ключевые слова: инклюзивная модернизация, ценности, социальные изменения, демодернизация, восточноевропейские страны

YURIY SAVELYEV

Inclusive modernisation and contradictions of changes in value systems of Eastern European countries in the 1990s and 2000s

The paper aims to acquaint Ukrainian sociologists with the research findings regarding modernisation processes and changes in value systems, which were happening in post-socialist countries of Eastern Europe during profound societal transformations of the 1990s and the first half of the 2000s. The analysis demonstrates that modernisation is a permanent, relative, non-linear and antinomic process. Antinomies of modernity are linked to the emancipation process and the corresponding change in value orientations in society. Emancipation, which is unfolding against a backdrop of improving the quality of life, is accompanied by the rise of personal responsibility for choices being made, as well as by threats to individual freedom. This brings into sharp focus the inclusiveness of modernisation. On the other hand, unfavourable socio-economic environment along with declining sense of existential security may lead to de-modernisation, which is coupled with shrinking tolerance and dwindling willingness to accept others, receding trust in democratic institutions, disruptions to rational communication in society, weaker support for emancipative values and adherence to materialistic ones.

The estimate of effects related to a certain historical period and generational turnover through intra- and inter-cohort components of social change, which was made using statistical modelling, has shown that socialisation is a key factor explaining continuity of the modernisation trend — since there are cohort differences in value orientations formed during a gradual improvement of the quality of life in the preceding period. In 13 post-socialist countries, there is a tendency for emancipative values to spread due to socialisation; however, in a few of them a statistically significant inter-cohort component is combined with adverse contextual factors.

Thus, even though European integration has proved to be quite an effective strategy for modernisation in most post-socialist Eastern European countries, it is not an irreversible process. Such a perspective helps to better understand the contradictory nature of transformations taking place in Eastern Europe, particularly in Ukrainian society.

Keywords: inclusive modernisation, values, social change, de-modernisation, Eastern European countries